

МНОГО СОЦИОЛОГИЙ ДЛЯ ОДНОГО МИРА

("Большая теория" и теоретический плюрализм)¹

ШТОМПКА Пиотр — профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша). В нашем журнале публикуется впервые.

[Возвращение «большой теории»]

Прошло пять лет с тех пор, как Квентин Скиннер возвестил о возвращении «большой теории» в социальные науки [1]. В настоящее время это кажется еще более очевидным. И нынешний Конгресс, подобно многим региональным и национальным конгрессам во всем мире, свидетельствует о подлинном возрождении теоретического мышления².

В XX веке отношение к «большой теории» прошло через несколько стадий. Сначала период теоретической нищеты с доминированием узкого эмпиризма и абсурдными обвинениями теории в метафизичности. Затем время кризиса теорий, отмеченное освобождением из-под чар вновь возникших, поляризованных, взаимоисключающих теорий [2]. К счастью, обе стадии остались позади. И если принять на веру, что в конце нашего века опять наступил период возвращения к теории, то спрашивается: к чему, собственно, мы возвращаемся? Когда именно было время полноценной теории? И что это было за время?

Ответ очевиден: XIX век — время, когда отцы-основатели дисциплины Конт и Спенсер, Маркс и Вебер, Зиммель и Дюркгейм — были прежде всего выдающимися теоретиками. Таким образом мы возвращаемся к самим корням социологии, но в отличие от мифического Сизифа, обреченно и безо всякой надежды начинающего каждый раз заново свое дело, мы возвращаемся к истокам, став значительно мудрее. За счет накопленного более чем за сто лет опыта — как исторического опыта обществ, так и интеллектуального опыта социологов, не худшая часть которого состоит из критической переоценки самих классиков. Таким образом, наше обращение к истокам осознано, критично и избирательно. Время не было потеряно напрасно. Мы стали мудрее за счет надежных эмпирических данных, отработанных стратегий теоретического поиска. Мы освободились от предубеждений и одностороннего догматизма, логических заблуждений и ложных дилемм.

Социология возвращается к теории в двух случаях. Во-первых, это теоретизирование как таковое, как способ социологического размышления.

¹ Статья написана в плодотворной обстановке в Упсалу, Шведской коллегии социальных исследований, где автор работал в качестве научного сотрудника весной 1990 г. Пользуясь случаем выразить признательность шведским друзьям и коллегам за предоставленную возможность.

² Сошлюсь на личный опыт, когда я был свидетелем наглядно проявившегося интереса к теоретическим вопросам на трех последних конгрессах Американской социологической ассоциации: каждый раз заседания приходилось переносить в другую аудиторию из-за неожиданно большого наплыва участников. Таким же красноречивым я считаю тот факт, что предстоящий конгресс польских социологов, происходящий в период бурных и фундаментальных перемен, ставит в начало повестки дня самые сокровенные теоретические проблемы.

Во-вторых, это частичные теории разных сфер социальной жизни. Если бы меня попросили коротко определить главные особенности современной ситуации, дать общий диагноз, я бы прежде всего отметил в качестве главной черты современной теоретической мысли возобновившееся заигрывание с философией, особенно с ее онтологической частью, и пристальное внимание к истории.

Остановилось на этих моментах поподробнее. Отношение между социологией и философией всегда было амбивалентным: социологическое исследование рано или поздно выходило на философские вопросы, и все-таки долгое время социологи пытались отгородиться от философии; они нуждались в ней, но тем не менее побаивались вступать в ее владения. Так сложилось с самого зарождения социологии. Появившись на свет как незаконный отпрыск философии и истории, она унаследовала груз философского высокомерия, но в то же время, подобно всем незаконнорожденным детям, отчаянно пыталась утвердиться, обрубая корни. В борьбе за становление «подлинной науки» социология оказалась в объятиях натурализма и позитивизма. Для позитивистов всех оттенков вопросы о субстанции и сущности, способе бытия, о подлинной природе социальной реальности были метафизическими (т.е. иррелевантными), выходящими за пределы компетенции науки.

Но возвращение к науке было неизбежным. С антинатуралистической и антипозитивистской революции, начатой уже в середине XIX века и вовлеченной в мощные потоки гуманистической социологии — от М. Вебера, Дж. Мида, Ф. Знанецкого, А. Шютца и до последней волны «нового субъективизма», — в поле зрения социологов вдруг возник целый ряд объектов, неизвестных миру природы (символы, знаки, значения, ценности, нормы, действия). Их формы и способы существования необходимо было осмыслить. Так же существенно было понять, как эта "распльывчатая" реальность может быть вообще понята социологами, обычно погруженными в свой очень предметный мир. Это вынесло на поверхность проблемы объективности и рациональности, релятивизма и отражающей способности социологического знания. В результате пришлось столкнуться с фундаментальными онтологическими и эпистемологическими вопросами.

Эпистемология, казалось бы, утвердила свое превосходство, по крайней мере, на время. Возможно, из-за своего сходства с методологией она была более приемлема для социологов, выросших в позитивистском климате, чем искусственные онтологические «штудии» перво-философии. Таким образом философское мышление возвращается в социологию через эпистемологические двери. Тенденция подменить вопросы «что существует?» на «как это можно узнать?» или «о чем это?» на «как это выяснить?» воцарилась в социологии и привела к эпистемологическим трудностям [3]. Но проникнув однажды в социологическую крепость, философия оказалась заразной. Она будоражила воображение социологов, задававшихся все более фундаментальными вопросами существования и устройства социального бытия.

В последнее время социологи различных школ вновь бьются над старой, но вряд ли решенной загадкой: что такое общество? Эффектом новой волны «большой теории», получившей распространение в социологии 80-х годов, стало то, что отношения между социологией и философией не только укрепились, но резко изменились. Социология хотя и потерпела поражение под сильным напором философии, но и «философия стала гораздо более социологичной» [4]. Вместо того, чтобы просто учиться или кое-что заимствовать у философии, социологи сами пришли к некоторым философским открытиям, оказавшимся примерными и полез-

ными для философов. Р. Коллинз ратует за «социологическую философию» как новый подход к тем философским проблемам, которые возникают в эмпирической и теоретической практике социологии. Это относится также к «онтологическим вопросам реализма и антиреализма, материализма и идеализма. Оказавшись поначалу втянутой в эпистемологию, социология сейчас, похоже, проникает еще дальше, в самое ядро философии — в метафизику» [5]. Таким образом она начинает возвращать свой долг философии.

А теперь, если мы обратимся от способа мышления к содержанию теорий, к самостоятельному ядру социологической теории последнего десятилетия, то обнаружим две наиболее существенные тенденции. Одна может быть названа «теорией агентов». Я имею в виду продолжительное и пестрое интеллектуальное развитие, которое постепенно отделилось от традиционной доркгеймовской озабоченности структурными детерминантами, подчеркивая вместо этого активную роль членов общества, индивидуально или коллективно участвующих в социальных движениях, в создании и воспроизводстве обществ. В результате совместных усилий таких ученых, как В. Баклей, А. Этциони, А. Турен, М. Крозье, А. Гидденс, М. Арер, Т. Бернс и других, общество начинает пониматься как общий итог действий этих агентов [6]. При этом подразумевается следующее: во-первых, что общество — это процесс, подверженный постоянным изменениям; во-вторых, что эти перемены преимущественно эндогенные, способные к самообразованию; в-третьих, что главный двигатель — активность отдельных личностей или коллективов; в-четвертых, что действие совершается в контексте перемещающихся структур, которые оно создает и под влиянием которых находится само, результатом чего является двойственность структур (формирующих и формируемых) и двойственность действующих лиц (производящих и производных) и, наконец, что взаимовлияние действий и структур происходит посредством сменяющихся друг друга периодов созидательной активности действующих агентов и строгой предопределенности структур.

Другое направление часто называют исторической социологией [7]. Оно пытается увести социологию от ее пристрастия к вневременной статистике, к растворению во времени и месте, к определению каждого события и явления внутри исторического потока. Беря свое начало в работах таких авторов, как Н. Элиас, К. Тилли, Т. Стокпол, П. Абрамс, К. Ллойд, это направление очень близко подходит к «теории агентов». Иными словами, социальная действительность начинает восприниматься как исторический итог. Это направление, подобно описанному выше, также можно представить в виде как действовавшее в заданных пределах.

На этом заканчиваю мои беглые наброски относительно современных тенденций в социологии, связанных с «большой теорией», и перехожу к более трудным вопросам. Почему именно сейчас возвращается в социологию «большая теория»?

Теории и время перемен

Если я прав, утверждая, что нынешнее возрождение теории сравнимо разве что с золотым периодом классической социологии XIX века, то здесь возможно мы и найдем разгадку. Обнаруживается существенное сходство между двумя эпохами: и тогда, и сейчас общества переживали быстрые перемены радикального свойства: во-первых, фундаментальные, структурные, затрагивающие самый стержень социальных организаций и типичных способов социальной жизни; во-вторых, стремительные, быстрые,

приходящиеся на жизненный опыт одного поколения; в-третьих, возникающие снизу, большей частью спонтанно, с вовлечением масс и проявляющиеся в коллективной активности, народных инициативах или социальных движениях.

В Европе XIX века — колыбели социологической теории — наблюдался расцвет модернизма, традиционное общество отмирало и зарождалось индустриально-технологические порядки. В конце двадцатого столетия, отмеченного, как мы заметили, возрождением теории, мир почти полностью захвачен перспективой модернизации процессов вяло текущего распада и рождением еще не артикулированного, неопределенного и хаотично представляемого постмодернизма. В обоих случаях существует широко распространенное негативное восприятие, сильный критический настрой по отношению к унаследованному социальному миру и горячее желание его изменить. Пробуждаются массовая активность, различные формы протеста и народных движений. Стоит только включить телевизор во время вечерних новостей, и вы увидите толпы людей, митингующих, марширующих, сжимающих кулаки, швыряющих камни, возводящих баррикады, выкрикивающих лозунги и порой жертвующих своими жизнями во имя перемен. Поэтому позволю себе высказать предположение: теории — это порождение времени перемен.

Но почему именно так? Что за связь между теоретическим сознанием и направлением социальных процессов? Ясно, ответ не может содержаться в очевидном эпистемологическом факте, что теории относятся к социальным процессам. Проблема в том, чтобы найти причинные социальные связи между тем и другим. Одно из главных достижений социологии, бесспорно, понимание этой связи, своего собственного отношения к социальной реальности. Говоря в историческом плане, такое понимание прошло три этапа, которые можно охарактеризовать посредством трех положений.

Первое, относящееся к социологии познания, утверждает, что условия существования формируют, определяют социальное сознание, в том числе теоретические построения. Второе положение рефлексивное, обнаружившееся лишь в последние десятилетия. Оно показывает, что социальное знание определяет, формирует, оттачивает социальные процессы, воздействуя на них не столько как внешнее, беспристрастное представление о социальной реальности, а скорее как созидающий компонент. И, наконец, третье положение, связанное с переключением внимания на будничную жизнь, практические рассуждения и т.п., приводит к утверждению здравого смысла. Оно показывает, как два первых положения (первое, определяемое как социология знания, и второе, определяемое через термин «рефлексия») не могут существовать сами по себе. Они опосредуются широко распространенными верованиями простых людей, пропускаются через фильтр их воображения, через их впечатления, представления об обществе, в котором они живут.

Таким образом, во времена решительных и быстрых изменений существует большая потребность в общей теории, возникающая на уровне здравого смысла, и эта потребность, по крайней мере частично, объясняет нынешний расцвет теоретической мысли. И, с другой стороны, именно общая теория во времена перемен демонстрирует самую сильную восприимчивость, самую большую способность влиять на течение социальных процессов в широчайшем смысле этого слова, потому что она затрагивает так называемый здравый смысл, формируя модели, с помощью которых люди определяют свою ситуацию, совершают выбор предпринимают определенные действия. Остановимся на этих положениях подробнее.

Взаимодействие теории и здравого смысла

Общество, за которое пытается нести ответственность теоретик, не расположено где-то там, далеко, ожидая, чтобы его научно определили. Оно уже истолковано, осмыслено, размещено по полочкам конкретных проблем или категорий его членами, простыми людьми. Эта схема приобретает некоторые особые черты в переломные периоды. И теория не может этого не отразить.

Люди в своей повседневной жизни встречаются с разнообразными ситуациями. И все испытывают потребность в каких-то интеллектуальных ориентирах. Но сама эта потребность, ее настоятельность зависит от особенностей исторического периода. В иные времена проблемы эти фрагментарны, обособлены, вполне конкретны. Когда социологи старой школы говорили о социальных проблемах, они имели в виду такие явления, как алкоголизм и проституция, наркотики и безработица, отклонения и преступность, разводы и бездомность. Но есть периоды, когда проблемы приобретают иной масштаб, когда они становятся поистине глобальными, затрагивая функционирование общества как такового, когда именно общество в целом оказывается перед лицом определенных опасностей и проблем. Экология и мирное сосуществование, качество жизни и потребление, ядерная угроза и эксплуатация женщин, бюрократия и тоталитаризм — такова только часть социальных проблем нашего переходного времени.

Что происходит в такие периоды со здравым смыслом? Необычайность социальных явлений, очевидный крах всего рутинного, обнажившаяся суть социального устройства, давление разных сил ведут к повышенной его восприимчивости, обострившемуся воображению, усилившемуся стремлению к познанию. Явления, обычно принимавшиеся как данность, скрытые и неясные, вдруг начинают осмысляться. Вопросы, никогда прежде не встававшие, становятся проблемными. В такие периоды людей не удовлетворяет понимание вещей, происходящих в обществе, они должны понять изменения самого общества. И найти свое место и свою роль в этом процессе. Поэтому они задают вопросы о вероятных, предпочтительных, возможных и очевидных сценариях и альтернативах будущего развития, интересуются, что может произойти, а что исключено, что надо сделать, а что делать бесполезно. Они ждут и требуют не фактов и цифр, не простой статистики, а предвидения, не таблиц, а интеллектуальной карты. Все это может дать только общая теория общества. И только теоретики могут дать простым людям то, что Ф. Дарендорф называет «вместилищем возможного будущего» или «горизонтом возможностей» [8]. Никакая другая наука этого не даст.

Вот почему времена перемен — это времена теорий как таковых. Но существуют особые периоды, которые вызывают к жизни особые виды теорий. Можно допустить, что две черты социального сознания проявляются в периоды изменений. Одна может быть названа «синдромом агентов». Люди осознают, что многие вещи зависят от конкретных действий, понимают изменения как зависящие от определенной степени свободы. Иначе говоря, видят в себе потенциально значимых действующих лиц, агентов. Такой способ мышления порождает вопросы: кто (а не что) вызывает изменения? Кто несет ответственность именно за такое направление происходящих процессов? Какие социальные группы их стимулируют *cui bono*? Но и такие тоже: чем я могу способствовать происходящим изменениям? Как мне себя вести? Какую роль взять на себя? Современные теоретические направления, которые обсуждались выше как «теории агентов» с их стержневой идеей о влиянии агентов на

социальную действительность, т.е. взгляд на общество как созданное и воссоздаваемое индивидуумами, действующими внутри унаследованных от прошлого обстоятельств, тоже сотворенных людьми, — это только более усложненное, обобщенное, концептуально упорядоченное выражение таких же идей и попытка ответа на подобные вопросы.

Второе направление, характерное для социального сознания периода перемен, может быть определено как исторический синдром [9]. Оно несет на себе след ускоренного темпа событий, обостренного восприятия времени, его течения или бега. Люди смотрят на свое время лишь как на отрезок более широкого потока истории. Они оглядываются назад в поисках корней, традиций, генеалогии современного общества. Они заглядывают вперед, пытаясь представить будущее течение событий. И спрашивают: что нас ждет? На уровне теоретических размышлений такая ориентация здравого смысла находит обобщенные, концептуально изолированные и систематизированные ответы в направлении, определяемом как историческая социология с ее стержневой идеей об исторической обусловленности социальной действительности, о непредвиденном, непредсказуемом, конкретном течении многообразных и взаимовлияющих социальных процессов.

Проблемы, возникающие в общественном сознании во времена быстрых, фундаментальных и всесторонних перемен, как доказано, являются благоприятной средой для общих теорий общества, особенно их исторических и ролевых разновидностей. Такие теории, однажды сформулированные, в дальнейшем способны использовать механизм рефлексии в гораздо большей степени, чем другие виды социологического знания. Рефлексия работает только в том случае, если доходит до уровня здравого смысла, охватывает сферу человеческих мотиваций, влияет на восприятие людьми конкретных ситуаций и в результате определяет их поступки. Именно такая способность общественного сознания несет ответственность за бесспорный факт, что часть теорий имеет большое практическое значение, а часть — нет. «Большая теория», имеющая дело с историей и событиями, в состоянии оказывать самое сильное влияние на общественное сознание и через это сознание на поступки людей. Потому что она дает людям то, в чем они в переломные времена нуждаются больше всего — теоретическую социологию свободного выбора.

Унификация или плюрализм?

Означает ли возвращение «большой теории» в социологию, связанное, как было показано выше, со временами перемен, исчезновение других форм теории? Само собой разумеется, нет. Социологическая теория будет всегда в высшей степени разнообразной и гетерогенной областью. В альтернативе, предложенной в названии данного Конгресса — «единство или многообразие», мои предпочтения и надежды определены на стороне последнего. И для того есть самые серьезные основания.

В диспутах относительно статуса теории странным образом забывался главный методологический принцип: различие между универсальностью и общностью. Теории различаются по меньшей мере по двум осям: 1) от глобальных до локальных (географически, исторически — при всем уважении к месту или эпохе, которым они принадлежат); 2) от всесторонних до фрагментарных (логически, аналитически — при уважении к богатству аспектов, объемов, сторон действительности, которые они пытаются охватить). Очень надеюсь, что идея «единства мира» — другой лейтмотив Конгресса — только несколько зловещая метафора. Или, как говорят в таких случаях футурологи, предостережение, точно сформулированное

как раз для того, чтобы не стать правдой. Человеческая социальная жизнь всегда ситуативна, локализована, и множество контекстов, в которых она протекает, бесконечно и таким останется всегда. Опасности, проблемы, угрозы, но в то же время шансы и перспективы, с которыми столкнулся мир как целое в конце этого столетия, породил целую волну «больших теорий», всеобщих устремлений, обращенных к планете Земля. Глобальные проблемы, теории модернизма и постмодернизма, постиндустриального общества, посткультуры, конца истории и мировой системы и т.п. вышли на передний план теоретических споров. Но у них, безусловно, нет такого преимущества перед другими, не такими «большими» теориями, нацеленными на различающиеся культуры, политические системы, экономические устройства, местные традиции, идеосинкразические образы жизни и т.п. Они такие же важные, незаменимые части социологической деятельности.

Социальная действительность бесконечно сложна и гетерогенна также и в аналитическом смысле. Идея многомерности [10] — удачная современная формула того, что много раньше неопределенно означалось Кантом как «*complication superflue*». Результатом долгих споров по поводу теоретического кризиса в интеллектуальном климате стало благосклонное отношение к разного рода обобщениям самого высокого порядка.

Поиск синтеза, примирения, взаимных открытий, многомерных подходов и многообразных точек зрения просто витает в воздухе. Конечно, новые веяния в поиске объединяющих теорий наметились много раньше. Вы слышали отдельные призывы к интеграции, синтезу, золотой середине еще в шестидесятых и семидесятых. И даже предпринимали практические усилия в этом отношении. Но только недавно это направление вышло на передний план теоретической социологии, став преобладающим.

Современные наблюдатели подтверждают: «Повсюду в центрах западной социологии — в Великобритании и Франции, Германии и Соединенных Штатах — нормой является синтезирование, а не полемическое теоретизирование» [11]; «В современной социологической теории предпринимается множество попыток синтеза», «Консенсус в социологической теории необходим для создания новых теорий посредством теоретических и философских позиций, некоторые «большие теории» пытаются свести аналитическую сложность общества к унифицированной картине. Вот некоторые примеры: Д. Александер следует за Парсонсом, выдвигая концепцию многомерности [10, 13]; А. Гидденс, начав с микросоциологических и феноменологических идей, предлагает концепции «структурализации» и «двойственности структур» как фундаментальных для «формулы строения общества» [9]; М. Арчер перефразирует и артикулирует ранние предчувствия, возникшие в дебатах по теме «действие — структура» и развивает идею морфогенезиса [14]; и автор этих строк пытается присоединиться к этой теоретической традиции, но с других, неомарксистских позиций, реабилитируя концепцию «социального становления» [6].

Считая себя сторонником этого направления, я далек от того, чтобы преуменьшить его значение. Но я прекрасно вижу его ограниченность. Все, что говорится в этих объединенных теориях, очень отвлеченно, и по определению не может касаться частных случаев. Они дают представление о «социальной территории», но в очень мелком масштабе. Они позволяют увидеть картину в целом, но с очень большого расстояния. Отдельные фрагменты и аспекты должны тщательно разрабатываться другими теориями. Мода на синтезированные теории никак не уменьшает важности теорий аналитических. Синтезированные теории обращают главное внимание на связи, взаимопроникновения, соединения, но должны

существовать и более частные теории, имеющие дело с тем, что именно связывается, взаимопроникает, соединяется: теории структур и действий, культуры и личности, социальных ролей и институтов, групп и движений и т.п. Старая программа теорий среднего уровня, выдвинутая Робертом К. Мертонем сорок лет назад, не утратила своей ценности и сегодня. Большинство теорий должны оставаться на этом среднем уровне обобщения не потому, что социология незрелая, неразвитая или неподготовленная, как, похоже, считал Мертон, дисциплина, но по более важным причинам: потому что именно здесь, на этом уровне, должны быть найдены наиболее плодотворные, с точки зрения объяснения и предвидения событий гипотезы, связывающие полученные эмпирические данные с результатами исследования. Именно здесь должны быть получены ответы на самые земные, не терпящие отлагательств, практические людские заботы. Позволю себе привести метафору: тому, кто хочет проехать из Мадрида в Барселону, вряд ли посоветуют воспользоваться картой мира или Европы вместо подробного плана района или обоих городов. Точно также и в социологии: одними «большими теориями» не обойтись.

Но даже оставаясь на уровне «больших теорий» — этих специфических продуктах и интеллектуальных инструментах переломного времени — может быть по крайней мере надо стремиться к их унификации, а не к разобщенности? И снова я даю отрицательный ответ. Разнообразие глобальных (самых универсальных) «больших теорий» и синтезированных (самых общих) «больших теорий» должно остаться. Тому есть две причины. Первая возвращает нас к идее рефлексивной, взаимной связи теории и социальной действительности, которая понимает теорию как компонент самой реальности. Чтобы отражать реальность, логически из нее следовать, представлять общество, сталкиваться с действиями людей и социальными процессами, образы и представления, выдвигаемые «большими теориями», должны соответствовать человеческому опыту, меняющемуся вместе с меняющимся социальным миром. В конце концов, они лишь другая, идеальная сторона или выдуманное добавление к происходящим в жизни реальным событиям. Истинность этих теорий не может быть подтверждена непосредственно, их нельзя оценить как истинные или ложные раз и навсегда, потому что то, о чем в них говорится, их собственный предметный материал изменяется под их же влиянием. Но они могут быть оценены как соответствующие или несоответствующие опыту социальных действующих лиц как исторически адекватные, как представляющие часть того, что когда-то А. Грамши назвал «историческим блоком». Чтобы быть адекватными, они должны сами меняться. Нет ничего окончательного и бесповоротного. Они всегда будут оставаться разнообразными, изменчивыми и преходящими.

Вторая причина вытекает из глубокой связи между большой теорией и здравым смыслом. Даже когда они обращаются к глобальным темам или широким проблемам, простые люди смотрят на них абсолютно иначе. Их горизонты, воображение, восприятие не только ограничены, но и пристрастны. Следовательно здравый смысл будет стимулировать разнообразные теоретические представления и в то же время будет отвергать другие. Поэтому нет и не может быть простой теории, применимой ко всему и приемлемой со всех точек зрения. Разнообразие больших теорий неизбежно.

³ Например, теория, анализирующая массовую активность, может родиться и стать значимой только в обществе, уже самоопределившемся в качестве активного борющегося стремящегося к чему-то. Или, как кто-то заметил, этнометодологическая теория могла возникнуть только в Калифорнии с ее типично нарциссическим увлечением деталями индивидуального опыта. Постмодернистские теории как-то не возникали в слаборазвитых обществах

Может ли это быть поводом для отчаяния? Отнюдь нет. Я всегда верил вслед за А.Н. Уайтхедом, считая, что «столкновение доктрин — не катастрофа, а новые возможности» [15].

Это возможности для интеллектуальных новаций, оригинальности и творчества. Фактически, они суть условия для интеллектуального прогресса. Это наблюдение в полной мере применимо к «большим теориям».

О профессиональных теоретиках

Имеет ли какое-то отношение все сказанное выше к социальной роли социолога и особенно «большого теоретика»? Мне кажется, об этом стоит поговорить в заключение.

Представление о теоретике и теоретика о себе *vis-a-vis* с обществом определяется тремя вопросами: а) К кому теоретик адресуется? б) Насколько компетентно? и с) С каким запасом знаний? В своей пророческой книге «Социологическое воображение» [16] К.У. Миллс проводит различие между двумя моделями социологии именно по ответам на эти три вопроса. Итак, в элитарной модели аудиторию или стержневую референтную группу социолог видит в политической элите, принимающих решение деятели, лидерах, советниках, управляющих и т.п. Социолог принимает на себя роль эксперта, советника, решающего выявленные проблемы и предоставляющего как фактический материал, так и социотехнические директивы, позволяющие эффективно управлять членами общества. В популистской модели аудитория или основная референтная группа социолога состоит из простых людей, рядовых членов общества. К ним обращаются с образовательными и просветительскими намерениями, снабжая их идеями, представлениями, образами, помогающими действовать в различных ситуациях социальной действительности. Одним словом, обе модели Миллса относятся к прикладной социологии, хотя они при этом разительно отличаются.

Но, похоже, он забыл еще об одной возможности. Его типологию можно распространить и на третью модель, которую назовем академической. Здесь социолог обращается с результатами исследования к своим коллегам, другим социологам. Упор делается на победу своих положений и утверждений за счет ошеломляющей эрудиции, оригинальных взглядов, новых концепций, неортодоксальных подтекстов. Эту роль, как правило, и предпочитают «большие теоретики». Эта модель содержит большой разрушительный потенциал. В крайних, но не таких уж и редких случаях, теоретики могут быть прочитаны и поняты только небольшой группой специалистов того же профиля. И случается, их слава строится только на простом факте, что никто не понимает их путанную прозу и извилистое мышление, однако не хочет в этом признаться даже себе, поэтому и придумывает: «в их словах что-то есть». Здесь мы достигаем пределов «чистой науки», такой чистой, что из нее часто вообще вычищена вся наука. А все что остается, это интеллектуальные забавы, игра со словами, свирепые, хотя и не всегда блестящие, наскоки. Я думаю, каждый может найти примеры того, что я имею в виду.

Но если идеи об отраженном и посредническом характере теории по отношению к здравому смыслу, о чем шла речь выше, справедливы, тогда и «большие теоретики» также являются, хочешь — не хочешь, прикладными социологами в том смысле, который придавал этому Миллс.

Будучи социологом, трудно, практически невозможно спрятаться в

«третьего мира» или даже «второго мира». И феминистские теории не имеют шансов в тех странах, которые по ряду исторических причин не доросли до широко распространенной обеспокоенности эксплуатацией женщин (например, в Польше).

башню из слоновой кости. Уже теории сами по себе вызывают изменения: они непосредственно влияют на социальное сознание, оставляют свой отпечаток на здравом смысле и таким образом изменяют социальную практику людей, которые действуют во имя убеждений, и теоретических в том числе. Помимо академических кругов, теоретик сталкивается с потребностями другой аудитории: простых людей, членов общества, действующих на социальных подмостках. Им нужны ориентиры, лучшее понимание окружающих условий, поиск выхода из лабиринта изменяющейся социальной жизни. И «большие теории», если они хороши, должны отвечать на эти вопросы: показывать возможности, вероятные последствия, варианты, перспективы деятельности людей.

Таким образом, я предлагаю в профессии социолога-теоретика видеть двойную роль, состоящую из двух взаимодополняющих частей. Теоретик должен обращаться одновременно к двум аудиториям. Во-первых, к другим теоретикам, ученым коллегам с целью проверить, улучшить, обогатить результаты, концепции, модели, гипотезы посредством сравнительных механизмов так называемого организованного скептицизма [17], взаимной критики, обмена мнениями. Связи такого рода осуществляются обычным, узаконенным в науке способом (книги, журналы, конференции и т.п.).

Но существует и другая аудитория, которой нельзя пренебрегать, — простые люди, к которым надо обращаться с образовательными и просветительскими целями, показывая им, что привносят социологические теории в их собственную социальную ситуацию. В периоды перемен это означает признание причастности теории к определению: а) диапазона возможностей, предпочтительностей, вероятностей, открывающихся участникам событий на данном историческом перекрестке; б) альтернативных сценариев будущих процессов, связанных с каждым из выбранных решений; в) расчета вероятных потерь по каждому из альтернативных вариантов, включая побочные эффекты, долговременные последствия, скрытые функции, возможный эффект бумеранга; г) специфики того, что абсолютно недостижимо, неосуществимо при данных обстоятельствах, каков предел действительно возможного, а с чем придется примириться. Это как раз то, что выше было названо теоретической социологией выбора.

Такие ориентированные на потребности реальной жизни направления должны придерживаться курса, который позволит им дойти до широкой аудитории неспециалистов. В обращении к этой аудитории необходим другой стиль, другой язык, другие средства (научная публицистика, масс — медиа, широкие дискуссии и т.п.).

Необходимость принять этот вызов может оказаться роковым испытанием для самой теории. Следует ли из этого какой-нибудь вывод? Вытекают ли какие-то специально значимые последствия, какой-либо серьезный общественный резонанс? Я подозреваю, что некоторые «большие теории» через это испытание определено не пройдут. Таким образом, вторая составляющая, второй сегмент ролевых функций теоретика обеспечивает страховку, гарантию против увлечения чистыми интеллектуальными играми, против теоретизирования во имя одной теории. Но в то же время первая часть, первый сегмент, потребность адресоваться к научной аудитории обеспечивает не менее важную гарантию и страховку — на этот раз против снижения теории до уровня морализирования, пропаганды или назидания. Короче говоря, это противоядие от чистых идеологических игр, от проповеди под маской науки.

Я уверен, что такое равновесие свидетельствует о действительно выдающейся «большой теории». Нисколько не компрометируя академическую

чистоту, теоретик отказывается от холодной, отчужденной внешней позиции наблюдателя общества. И в той же степени, в какой его теории стали не просто теориями об обществе, но теориями в обществе, сам теоретик больше не просто исследователь общества, но его сознательный член и участник. Работа по созданию теории превращается в нечто более захватывающее — в создание общества.

Перевод с английского Н. Карцевой

ЛИТЕРАТУРА

1. *Skinner Q.* The return of grand theory in the human sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
1. *Sztompka P.* Sociological dilemmas: toward a dialectical paradigm. New York: Academic Press, 1979.
3. *Bhaskar R.* Scientific realism & human emancipation. London: Verso, 1986.
4. *Giddens A.* Social theory and modern sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 53.
5. *Collins R.* For a sociological philosophy /Theory and society. 1988. Vol. 17. P. 69.
6. *Sztompka P.* Society in action: the theory of social becoming. Cambridge: Polity Press, 1990.
7. *Sztompka P.* The renaissance. of historical orientation in sociology // International sociology. 1986. Vol. 1. N. 3. P. 321—337
8. *Dahrendorf R.* On representative activities // Science and social structure: A Festschrift for Robert K. Merton. New York: The New York Academy of sciences, 1980. P. 20—21.
9. *Giddens A.* The constitution of society. Cambridge: Polity Press, 1984; *Touraine A.* The self-production of society. Chicago: The University of Chicago Press, 1977.
10. *Alexander J.C.* Positivism, presuppositions and current controversies // Theoretical logic in sociology. Berkeley: California University Press, 1982.
11. *Alexander J.C.* The new theoretical movement // Handbook of sociology. Newbury Park: Sage, 1988. P. 77—102.
12. *Ritzer C.* Agency-structure in micro-macro syntheses: consensus in contemporary theorizing. Uppsala SCASSS, 1989. P. 36—37.
13. *Alexander J.* Action and its environments. New York: Columbia University Press, 1988.
14. *Archer M.* Culture and agency. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
15. *Whitehead A.N.* The organization of thought. London: Williams and Norgate, 1917.
16. *Mills C.W.* Sociological imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
17. *Merton R.K.* Science, technology and society in seventeenth-century England. New York: Harper & Row, 1970 (1938).